476477 р
Инв 3135
8
БИБЛІОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА Самар. Губ. Земства.
КНИГИ ИЗЪ СОБРАНІЯ СИМОНИ.
1943 г.
891.71.092
590

ЗНАЧЕНІЕ ГОГОЛЯ ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

Пушкинъ установилъ въ общихъ чертахъ типъ того языка нашей изящной литературы, который мы теперь считаемъ литературнымъ русскимъ языкомъ, принимая его вмѣстѣ съ исправленіями и добавленіями, принятыми позднѣйшимъ литературнымъ языкомъ, за норму при оцѣнкѣ и сравненіи языка каждаго литературнаго произведенія, появившагося въ послѣ-пушкинскій періодъ. Научный анализъ языка пушкинскихъ произведеній показалъ, что подъ перомъ Пушкина сложился для русской изящной литературы тотъ остовъ русскаго литературнаго языка, въ которомъ гармонично сочетались основные элементы и художественнаго русскаго слога, и чисто-русской этимологіи, и сложившагося къ тому времени русскаго словосочетанія, и, наконецъ, элементы народности, или національности языка, впервые обнаружившейся съ особенной силой у Пушкина, какъ спутникъ языка національной художественной литературы, благодаря въ высшей степени талантливой и тактичной эксплоатаціи Пушкинымъ народнаго русскаго слова: средствами этого народнаго русскаго слова обогатился подъ перомъ великаго художника нашъ литературный языкъ. Языкъ Пушкина оказывается устарѣвшимъ лишь въ тѣхъ немногочисленныхъ и рѣдкихъ случаяхъ, по преимуществу въ лексикологіи, отчасти этимологіи, въ которыхъ Пушкинъ невольно отразилъ современное ему состояніе русскаго образованнаго языка съ его иноземными, заимствованными словами, форма которыхъ не успѣла еще установиться и національзоваться. Въ этомъ отношеніи языкъ Пушкина требовалъ дальнѣйшихъ измѣненій въ духѣ времени и его потребностей, и эти измѣненія сдѣланы въ позднѣйшій періодъ литературнаго русскаго

476477
КУЙБЫШЕВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

языка. Равнымъ образомъ нѣкоторыя формы традиціоннаго языка нашей поэзіи въ устахъ знаменитыхъ учителей Пушкина нашли для себя мѣсто и въ языкѣ ученика, скоро заставившаго однако насъ позабыть о его учителяхъ. И въ этомъ отношеніи языкъ позднѣйшихъ представителей русской изящной литературы сдѣлалъ свое дѣло, внесъ поправки.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе новые элементы поэтическаго языка Лермонтова и лексикологію и синтаксисъ Тургенева, мы получаемъ въ языкѣ Пушкина ту норму литературнаго русскаго языка, которая, съ одной стороны, укажетъ намъ недостатки въ языкѣ другихъ произведеній литературы, съ другой, при сравненіи съ языкомъ Лермонтова и Тургенева въ извѣстныхъ отношеніяхъ убѣдитъ насъ, что языкъ Пушкина съ нѣкоторыми немногими измѣненіями, обусловленными жизнью самыхъ формъ въ языкѣ, собственно и до сихъ поръ остался образцовымъ представителемъ русскаго литературнаго слога. Установивъ такимъ образомъ критерій для своей оцѣнки языка литературныхъ произведеній, мы можемъ путемъ научнаго анализа опредѣлить мѣсто въ исторіи русскаго литературнаго языка для каждаго даннаго писателя по языку его произведеній. Степень отклоненія отъ нормы современнаго намъ литературнаго языка у даннаго писателя опредѣлится научнымъ анализомъ морфологіи, синтаксиса и лексикологіи даннаго писателя, при чемъ историческая хронологія формъ словоизмѣненія, формъ словосочетанія и лексикологіи должна точно опредѣлить намъ тѣ условія, при которыхъ допустимы данныя формы въ ихъ историческомъ развитіи, въ ихъ эволюціонномъ движеніи въ языкѣ послѣ Пушкина, и тѣ условія, при которыхъ данныя формы являются анахронизмомъ или регрессирующимъ элементомъ языка для даннаго періода его жизни. Устанавливая, согласно вышеуказанному, 30-е годы XIX столѣтія, какъ время, съ котораго получилъ русскій литературный языкъ то выраженіе, которое и понынѣ является спутникомъ русской изящной литературы въ главнѣйшихъ ея представителяхъ, мы получаемъ полную возможность оцѣнить русскій языкъ Гоголя съ точки зрѣнія исторіи языка, принимая во вниманіе, что Гоголь писалъ свое крупнѣйшее произведеніе „Мертвыя Души“ въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія, т. е. на десять лѣтъ позже установленной нами выше эры развитія и расцвѣта русскаго литературнаго языка, и былъ знакомъ и съ Пушкинымъ и съ его произведеніями, вліяніе которыхъ на Гоголя можетъ быть указано, какъ мы думаемъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэмы

„Мертвыя Души“. Далѣе, принимая во вниманіе всѣ факторы эволюціоннаго движенія языка литературы, т. е. и *индивидуальность* языка писателя, и *степень образованія* писателя, несомнѣнно, всегда отражающуюся и на складѣ и на лексикологіи рѣчи, наконецъ, принимая во вниманіе и самый могущественный изъ факторовъ,—это стремленіе языка литературы русскаго народа къ наиболѣе полному и понятному выраженію общенародныхъ интересовъ, стремленіе, которое реализуется въ непрерывномъ сближеніи языка книги съ языкомъ живого разговора на почвѣ постояннаго обновленія книжнаго языка діалектическими элементами народной рѣчи, значитъ, на почвѣ обогащенія языка литературы книжной, всегда отстающей отъ языка жизни по законамъ литературной традиціи; принимая во вниманіе всѣ эти три фактора, мы получимъ картину безпрерывнаго движенія языка, и это движеніе тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сильнѣе стремленіе литературы вліять на народныя массы, и чѣмъ слабѣе элементы культуры отражены въ простомъ народѣ сравнительно съ представителями литературнаго слова. Въ послѣднемъ случаѣ, разумѣется, бытъ народа является подходящимъ условіемъ для сохраненія тѣхъ формъ языка, которыя уже отжили свое время въ культурномъ обществѣ, и которыя потому самому служатъ наиболѣе сильнымъ выраженіемъ особенностей народнаго быта и нерѣдко въ то же время остаются древнѣйшими фор-

мощи, которая необходимо заблаговременно учо
протоколов должны присылаться в методкабинет
каждому протоколу давались указания. Наиболее
протоколе необходимо освещать опыт мест.
районные методические совещания организуются
которых или слабо развернута библиотечная
библиотеки не могут самостоятельно справ
м районных методических совещаний.
в Московской области межрайонные совещ
пополнение к районным методическим сов
обеспечить более квалифицированным
жным вопросам работы библиотек
ренцированного инструктажа по
ческими производственными и
например, льноводческие, угольные
или татарские, карельские и т.
ся межрайонные совещания
базе, либо при самом библ
тва на их проведение
о (областного) мет
онов,

ультурной среды, между тѣмъ
уждаться въ средствѣ установ-
питающей массы.
я, не поступаясь своими соб-
при условіяхъ быта культур-
ю обогащается и на счетъ
іемъ русской народной массы.
ературнаго русскаго языка,
вѣтъ сочиненій Печерскаго,
нять крупное значеніе языка
ьскаго и убѣдиться въ томъ,
рный языкъ въ своемъ лекси-
Гончарова. Ясно видно, что
и литературы, а новыя за-
іеніе ея содержанія, послѣ-
ь жизни новый языкъ, обо-
ая входитъ въ литературную

языка. Равнымъ образомъ нѣкоторыя формы традиціоннаго языка нашей поэзіи въ устахъ знаменитыхъ учителей Пушкина нашли для себя мѣсто и въ языкѣ ученика, скоро заставившаго однако насъ позабыть о его учителяхъ. И въ этомъ отношеніи языкъ позднѣйшихъ представителей русской изящной литературы сдѣлалъ свое дѣло, внесъ поправки.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе новые элементы поэтическаго языка Лермонтова и лексикологію и синтаксисъ Тургенева, мы получаемъ въ языкѣ Пушкина ту норму литературнаго русскаго языка, которая, съ одной стороны, укажетъ намъ недостатки въ языкѣ другихъ произведеній литературы, съ другой, при сравненіи съ языкомъ Лермонтова и Тургенева въ извѣстныхъ отношеніяхъ убѣдитъ насъ, что языкъ Пушкина съ нѣкоторыми немногими измѣненіями, обусловленными жизнью самыхъ формъ въ языкѣ, собственно и до сихъ поръ остался образцовымъ представителемъ русскаго литературнаго слога. Установивъ такимъ образомъ критерій для своей оцѣнки языка литературныхъ произведеній, мы можемъ путемъ научнаго анализа опредѣлить мѣсто въ исторіи русскаго литературнаго языка для каждаго даннаго писателя по языку его произведеній. Степень отклоненія отъ нормы современнаго намъ литературнаго языка у даннаго писателя опредѣлится научнымъ анализомъ морфологіи, синтаксиса и лексикологіи даннаго писателя, при чемъ историческая хронологія формъ словоизмѣненія, ф[illegible] лексикологіи должна точно опредѣлить намъ [illegible] рыхъ допустимы данныя формы въ ихъ исто[illegible] ихъ эволюціонномъ движеніи въ языкѣ посл[illegible] вія, при которыхъ данныя формы являются ан[illegible] сирующимъ элементомъ языка для даннаго п[illegible] навливая, согласно вышеуказанному, 30-е го[illegible] время, съ котораго получилъ русскій литера[illegible] женіе, которое и понынѣ является спутником[illegible] тературы въ главнѣйшихъ ея представителяхъ, возможность оцѣнить русскій языкъ Гоголя с[illegible] языка, принимая во вниманіе, что Гоголь пи[illegible] произведеніе „Мертвыя Души“ въ 40-хъ годах[illegible] на десять лѣтъ позже установленной нами [illegible] расцвѣта русскаго литературнаго языка, и бы[illegible] кинымъ и съ его произведеніями, вліяніе котор[illegible] быть указано, какъ мы думаемъ, и въ нѣкот[illegible]

„Мертвыя Души“. Далѣе, принимая во вниманіе всѣ факторы эволюціоннаго движенія языка литературы, т. е. и *индивидуальность* языка писателя, и *степень образованія* писателя, несомнѣнно, всегда отражающуюся и на складѣ и на лексикологіи рѣчи, наконецъ, принимая во вниманіе и самый могущественный изъ факторовъ,—это стремленіе языка литературы русскаго народа къ наиболѣе полному и понятному выраженію общенародныхъ интересовъ, стремленіе, которое реализуется въ непрерывномъ сближеніи языка книги съ языкомъ живого разговора на почвѣ постояннаго обновленія книжнаго языка діалектическими элементами народной рѣчи, значитъ, на почвѣ обогащенія языка литературы книжной, всегда отстающей отъ языка жизни по законамъ литературной традиціи; принимая во вниманіе всѣ эти три фактора, мы получимъ картину безпрерывнаго движенія языка, и это движеніе тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сильнѣе стремленіе литературы вліять на народныя массы, и чѣмъ слабѣе элементы культуры отражены въ простомъ народѣ сравнительно съ представителями литературнаго слова. Въ послѣднемъ случаѣ, разумѣется, бытъ народа является подходящимъ условіемъ для сохраненія тѣхъ формъ языка, которыя уже отжили свое время въ культурномъ обществѣ, и которыя потому самому служатъ наиболѣе сильнымъ выраженіемъ особенностей народнаго быта и нерѣдко въ то же время остаются древнѣйшими формами рѣчи, уже погибшими въ языкѣ культурной среды, между тѣмъ какъ эта послѣдняя еще продолжаетъ нуждаться въ средствѣ установленія языка общихъ понятій для *всей* читающей массы.

Отсюда видно, что языкъ литературы, не поступаясь своими собственными богатствами, пріобрѣтенными при условіяхъ быта культурной среды, въ то же время безпрерывно обогащается и на счетъ языкового матеріала, служащаго достояніемъ русской народной массы. Достаточно вспомнить то движеніе литературнаго русскаго языка, которое обнаружилось съ выходомъ въ свѣтъ сочиненій Печерскаго, Г. Успенскаго, Рѣшетникова, чтобы понять крупное значеніе языка литературы нашей подъ перомъ М. Горькаго и убѣдиться въ томъ, насколько видоизмѣнился нашъ литературный языкъ въ своемъ лексическомъ составѣ уже послѣ Тургенева и Гончарова. Ясно видно, что жизнь и время нарождаютъ новыя задачи литературы, а новыя задачи литературы влекутъ за собой измѣненіе ея содержанія, послѣднее же, въ свою очередь, вызываетъ къ жизни новый языкъ, обогащаемый на счетъ языка той среды, которая входитъ въ литературную обработку и литературное изображеніе.

Сказаннымъ мы даемъ понять, что и діалектическій, народный элементъ языка имѣетъ несомнѣнное право на литературное употребленіе при извѣстныхъ условіяхъ и цѣляхъ.

Намъ остается сказать, что всѣ перечисленные факторы развитія литературнаго языка, совмѣстно дѣйствуя, служатъ условіемъ прогресса языка литературы лишь подъ перомъ художника—артиста, который надѣленъ и по отношенію къ языку чувствомъ мѣры и такта. Каждый изъ этихъ трехъ положительныхъ факторовъ можетъ оказываться и имѣющимъ значеніе *отрицательное*, если у писателя нѣтъ чувства мѣры. Кромѣ того, первые два фактора: индивидуальность автора и его образованіе становятся быстро-отрицательными факторами въ движеніи языка, если индивидуальность бѣдна, а образованіе скудно, при отсутствіи художественнаго чутья языка, или чувства мѣры. Напримѣръ, еслибъ писатель пользовался діалектическими, областными оборотами и словами въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они не имѣютъ цѣли изобразительной, т. е. художественной, то мы бы отнесли такой слогъ автора къ отрицательнымъ сторонамъ его дѣятельности; далѣе, если бы писатель уклонялся отъ указанной нами нормы словосочетанія въ ущербъ ясности рѣчи и ея удобопонятности, то мы опять признали бы въ этомъ случаѣ отрицательное его значеніе; наконецъ, уклоненіе отъ формы словоизмѣненія въ случаяхъ установленныхъ нормою языка 30-хъ годовъ и упроченныхъ всей позднѣйшей литературой выдающихся писателей послѣ Пушкина, мы признали бы въ авторѣ за доказательство его небрежности или, что еще хуже, недостаточнаго знанія современнаго ему образцоваго литературнаго языка.

Послѣ всего сказаннаго, полагаемъ, понятно будетъ нашимъ читателямъ, если мы скажемъ, что мы имѣемъ полную возможность на это и дѣйствительно возьмемся путемъ научнаго анализа опредѣлить то, что̀ въ языкѣ Гоголя обусловлено состояніемъ современнаго ему языка литературы, и за что онъ, слѣдовательно, не отвѣтственъ передъ потомствомъ, и что обусловлено тѣми отрицательными факторами, которые мы намѣтили выше. Наконецъ, при такомъ анализѣ на почвѣ научной исторіи языка, мы опредѣлимъ въ языкѣ Гоголя и тѣ элементы, которые составляютъ его несомнѣнную заслугу въ смыслѣ сообщенія языку русской литературы силы, изобразительности и оригинальности. Для такого анализа ограничимся пока однимъ произведеніемъ Гоголя, именно „Мертвыми Душами“, такъ какъ это произведеніе написано послѣ того, какъ данъ былъ образецъ языка Пушкинымъ, это—во-первыхъ, и такъ какъ „Мертвыя Души“ Гоголя

есть его крупнѣйшее произведеніе, надъ которымъ онъ дольше другихъ работалъ; это—во-вторыхъ.

Состояніе языка русской литературы времени Гоголя, т.-е. въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія, по отношенію къ иностраннымъ заимствованнымъ словамъ, обусловило собой слѣдующіе примѣры у Гоголя.

Гоголь пишетъ:.. „не пропуская ни людей съ ихъ нравами, склонностями и привычками, ни бездушныхъ вещей, ихъ окружающихъ, отъ одеждъ до *мебелей* и стѣнъ домовъ, въ которыхъ живутъ они“ (III, 252) [1]). Въ другомъ мѣстѣ: „на сумасшедшую ногу убираетъ *мебелями* домъ“. (IV, 353). Въ третьемъ мѣстѣ: „тотъ крадетъ у дѣтей своихъ ради какой-нибудь пріѣзжей актрисы, тотъ у крестьянъ ради *мебелей* Гамбса или кареты“ (IV, 378).

Такое употребленіе слова „мебели“ во множественномъ числѣ у Гоголя есть дань времени и обусловлено состояніемъ русскаго литературнаго языка той эпохи: Пушкинъ также пишетъ въ своемъ письмѣ женѣ отъ 30-го апрѣля 1834 года: „онъ пакоститъ твои *мебели*“. (Изд. литер. фонда VII, 346).

Въ современномъ намъ литературномъ языкѣ слово „мебель“ уже перестало употребляться во множественномъ числѣ.

Гоголь, какъ и Пушкинъ, еще пишетъ: „на балѣ“ вмѣсто „на балу“, какъ видимъ изъ примѣровъ: „Въ первый разъ, какъ только увидѣлъ васъ вмѣстѣ *на балѣ*“.. (III, 214). Или: „Такимъ же образомъ она поступаетъ и *на балѣ* съ Чичиковымъ“ (III, 255).

Сравните у Пушкина вездѣ: „на балѣ“, а не „на балу“. Напримѣръ, „однажды *на балѣ* у польскаго помѣщика“ (IV, 39). Или „полученная имъ *на балѣ* отъ какого то повѣсы“ (IV, 43). Это Пушкинъ писалъ въ 1830 году; нами эта форма уже не употребляется съ предлогомъ „на“. Объясняется такое употребленіе и такое склоненіе слова „*балъ*“ тѣмъ, что въ 30—40-хъ годахъ прошлаго столѣтія это слово еще не успѣло настолько руссифицироваться, чтобы вовлечься въ область аналогіи съ чисто русскими словами, какъ *валъ, пылъ, тылъ* и проч. А слово „залъ“, соотвѣтствуя нѣмецкому der Saal и французскому le Salon, имѣло для себя параллель въ словѣ „за́ла“, соотвѣтствующемъ французскому la salle и нѣмецкому — die Sale, и потому не могло быть вовлечено въ область аналогіи съ выше-

[1]) Всѣ ссылки на сочиненія Гоголя дѣлаются по X-му изданію подъ редакціей Н. С. Тихонравова, а всѣ ссылки на сочиненія Пушкина—по изданію литературнаго фонда подъ редакціей П. О. Морозова.

приведенными русскими словами по отношенію къ склоненію. Гоголь, какъ и Пушкинъ, употребляетъ „зала“ по преимуществу въ женскомъ родѣ; напримѣръ, „Покамѣсть слуги управлялись и возились, господинъ отправился въ общую залу“ (III, 5). Сравни однако: „въ *переднемъ залѣ*“ (IV, 310). „Отошла съ дочерью въ другой конецъ *залы*“ (III, 165). У Пушкина: „Во всю длину танцовальной *залы*“ (IV, 14). „Вывелъ его изъ *залы*“ (IV, 15). „Отвелъ на средину *залы*“ (IV, 15). „Вошелъ въ *залу*“ (IV, 71). „Онъ—въ залу“... (III, 400) „Пустѣетъ *зала*“ (III, 413). „Дѣвицы проходили тише предъ ней по *залѣ*“ (III, 388). „Смотрите, въ *залу* Нина входитъ“ (III, 389). „Вдругъ изъ-за двери въ *залѣ длинной* фаготъ и флейта раздались“ (III, 338). Сравни I, 211 и другіе. Это слово и до сихъ поръ не успѣло установиться въ какой нибудь одной формѣ. Такихъ словъ и теперь въ нашемъ литературномъ языкѣ найдется нѣсколько, и всѣ они составляютъ наслѣдіе эпохи наибольшаго употребленія иностранныхъ словъ въ языкѣ нашей интеллигенціи конца XVIII и начала XIX-го вѣка. А прежде такихъ словъ было гораздо больше: Гоголь и Пушкинъ свидѣтельствуютъ намъ объ этомъ формами своего языка. Напримѣръ, сюда относятся слова, колеблющіяся не только въ своей формѣ имен. падежа ед. числа, въ родѣ какъ „*залъ*“ и „зала“, но и употребляемыя то въ мужскомъ, то въ женскомъ родѣ, иногда даже при одинаковой формѣ. Напримѣръ, *гравюръ* и *гравюра, карьеръ* и *карьера, фрескъ и фреска, эполетъ* и *эполета, бакенбардъ* и *бакенбарда, ботфортъ* и *ботфорта;* въ разныхъ родахъ при формальной тожественности употребляется понынѣ слово *картофель*. Сюда же относятся слова: *кофе* и *кофей (кофій), роль* и *роля, комодъ* и *комода, боа*—то мужскаго, то средняго рода (нынѣ), *нишъ* и *ниша, дуэль* — муж. и жен. рода (нынѣ). Гоголь пишетъ: „длинный, пожелтѣвшій *гравюръ* какого то сраженія“ (III, 112), между тѣмъ какъ во французскомъ языкѣ мы имѣемъ: *la gravure*. Слѣдовательно, въ русскомъ произношеніи этого слова сохранено произношеніе французское, но измѣненъ грамматическій родъ. Подобнымъ образомъ нашъ старый литературный языкъ поступилъ со словами: *нишъ* (франц. *la niche*): у Пушкина „И въ темный *нишъ*, гдѣ сумракъ воцарился, чуть крадется невѣрный свѣтъ дневной“ (I, 132). Или: *эполетъ* (франц. *épaulette* — женскаго рода): у Пушкина читаемъ: „Заблещетъ пара *эполетовъ*“ (I, 74), и видимъ по этой формѣ род. падежа им. числа, что именительный падежъ единст. числа долженъ быть „*эполетъ*“, т.-е. сохранялъ произношеніе французское, а родъ измѣнилъ, какъ и слово „*нишъ*“.

У Гоголя читаемъ однако: „И туловище его также стало колебаться отъ смѣха, хотя плечи и не тряслись, потому что не носили густыхъ *эполетъ*“ (IV, 323. Такъ и въ первоначальной редакціи III, 317). Изъ этого мы видимъ, что склоненіе слова „*эполетъ*“ не установилось еще въ русскомъ литературномъ языкѣ того времени, да и понынѣ оно еще колеблется. Къ такимъ же не установившимся по формѣ род. падежа множ. числа словамъ относилось и слово „*гусаръ*“: Пушкинъ говоритъ: „Въ кругу *гусаровъ* посѣдѣлыхъ“ (I, 120), но и:.. „выступилъ съ осьмью стами *гусаръ*“ (VI, 60). Гоголь же пишетъ: „Два философа изъ *гусаръ*“ (IV, 307). Сохранилъ иностранное произношеніе, измѣнивъ грамматическій родъ, нашъ старый языкъ и въ словѣ: *гравюръ* (франц. *la gravure*), какъ видимъ у Гоголя: „длинный, пожелтѣвшій *гравюръ*“ (III, 112); тоже мы видимъ изъ его выраженія: „Комнаты всѣ просты, даже пусты: ни *фресковъ*, ни картинъ,.. ни даже книгъ“ (IV, 340). Форма „*фресковъ*“ предполагаетъ собой именит. падежъ единств. числа въ формѣ „*фрескъ*“ (франц. *la fresque*).

И по произношенію и по грамматическому роду совпало съ нѣмецкимъ словомъ у Гоголя слово *бакенбардъ* (нѣм. Der Backenbart): Гоголь пишетъ: „Ему даже показалось, что и одинъ *бакенбардъ* былъ у него меньше и не такъ густъ какъ другой“ (III, 61. Въ рукоп. „*бакенбартъ*“). Но въ другомъ мѣстѣ Гоголь уже пишетъ: „возвращался домой онъ иногда *съ одной только бакенбардой* и то довольно жидкой“ (III, 67). Такимъ образомъ мы имѣемъ въ языкѣ Гоголя доказательство колебанія формъ *бакенбардъ* и *бакенбарда*. Въ такомъ же колебаніи, очевидно, находилось слово: *карьеръ* и *карьера;* у Гоголя мы читаемъ: „И вотъ рѣшился онъ сызнова начать *карьеръ* (III, 234), вновь вооружиться терпѣніемъ, вновь ограничиться во всемъ“... Или: „Оставлять такъ выгодно начатый *карьеръ* изъ за того только, что попался не такой, какъ хочется, начальникъ“! (IV, 298). Или: „О себѣ нечего уже думать: *карьеръ* мой конченъ, потому что мнѣ не служить“ (IV, 381). Нынѣшній литературный языкъ употребляетъ эту форму *карьеръ* (франц. *la carrière*), въ которой сохранено французское произношеніе, но опять измѣненъ грамматическій родъ, только въ рѣчи про лошадей, имѣя параллельную форму *карьера,* сохраняющую грамматическій родъ французскаго подлинника, въ рѣчи про людей, въ смыслѣ прохожденія житейскаго или служебнаго поприща. Пушкинъ, въ свою очередь, показалъ намъ, что слово *ботфорта,* употребляемое имъ, характерно измѣнило въ русскомъ языкѣ свою звуковую фран-

цузскую форму: французскій языкъ имѣетъ множ. число *bottes fortes* женскаго рода, а русскій языкъ сдѣлалъ изъ этихъ двухъ словъ одно—*ботфорта*—тоже женскаго рода; Пушкинъ пишетъ: „Изъ кареты поминутно вытягивались то стройная ножка молодой красавицы, то гремучая *ботфорта,* то полосатый чулокъ и дипломатическій башмакъ“ (IV, 293). Нынѣ уже извѣстно и слово *ботфортъ* въ ед. числѣ въ муж. родѣ. Далѣе Гоголь пишетъ: „глотающіе *устерсъ*“ (III, 57), но въ другомъ мѣстѣ находимъ у него же: „Мнѣ лягушку хоть сахаромъ облѣпи, не возьму ея въ ротъ, и *устрицы* тоже не возьму: я знаю, на что *устрица* похожа“ (III, 95). Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ слово, ближе къ нѣмецкому *die Auster,* между тѣмъ какъ уже Пушкинъ употреблялъ только слово *устрица:*

„Мы только *устрицъ* ожидали
Отъ цареградскихъ береговъ“ (III, 411).

Одинаково и Пушкинъ и Гоголь засвидѣтельствовали намъ колебаніе русской формы слова *кофе* (нѣм. *der Kaffee,* франц. *le cafe*): оба писателя имѣютъ примѣры русской передѣлки этого слова въ слово *кóфей* и даже *кофій:* у Гоголя: „Послѣ обѣда господинъ выкушалъ чашку *кофею*“ (III, 6). Или: „на образецъ густого *кофея*“ (III, 120). Или: „выходилъ въ гостиную затѣмъ, чтобы пить чай, *кофій,* какао и даже парное молоко“ (IV, 290). „Затѣмъ слѣдовала трубка съ *кофіемъ*“... (IV, 291). Гоголь въ этомъ отношеніи, какъ и въ словѣ *биліяртъ,* оказался болѣе русскимъ человѣкомъ, чѣмъ Пушкинъ: послѣдній употребляетъ слово *кофей* въ руссифицированной формѣ, т.-е. *не* уклоняется отъ предоставленія литературному русскому языку свободы обнаруженія его внутреннихъ силъ, направившихъ съ помощью Пушкина этотъ языкъ въ сторону національно-демократическаго движенія, но рядомъ съ этимъ Пушкинъ употребляетъ еще и свое салонное слово *кофе:* мы у него читаемъ въ одномъ мѣстѣ: „Намъ поднесли *кофею* въ чашечкахъ“ (IV, 449. Въ 1835 г.), въ другихъ же мѣстахъ: „Потомъ свой *кофе* выпивалъ, плохой журналъ перебирая, и одѣвался“... (III, 316). Или: „Съ восточной гущей *кофе* пью“ (III, 411).

Согласно московскому и петербургскому простонародному произношенію, извѣстному въ трактирахъ, Гоголь употребляетъ слово *билліяртъ* (III, 7) и *биліартной* (III 14) со звукомъ *т* вмѣсто французскаго *d* (франц. *le billard*). Пушкинъ же сохраняетъ въ этомъ словѣ согласный *d* иностраннаго оригинала: „Онъ на *бильярдѣ* въ два шара

играетъ съ самаго утра“ (III, 319). Согласно съ народнымъ произношеніемъ Гоголь пишетъ *аглицкій песъ* (IV, 371) въ первоначальной редакціи „Мертвыхъ Душъ“, но передѣлываетъ на общепринятое въ образованномъ обществѣ своего времени *англійскихъ* (IV, 339): „Не было тутъ *англійскихъ* парковъ“. Впрочемъ, не всегда можно рѣшить вопросъ, передѣлывалъ ли самъ Гоголь свой языкъ въ приготовляемыхъ къ печати рукописяхъ, или здѣсь хозяйничали грамотеи того времени—его помощники и люди, болѣе его привыкшіе къ условнымъ правиламъ старой грамматики. По крайней мѣрѣ, изъ ученаго академическаго изданія сочиненій Гоголя, исполненнаго *Тихонравовымъ*, не всегда видно, кому принадлежитъ поправка въ рукописи. Напримѣръ, въ данномъ мѣстѣ въ рукописи написано по народному произношенію: „не было тутъ *аглицкихъ* парковъ“ (IV, 574), но остается неизвѣстнымъ, кому принадлежитъ поправка въ текстѣ. Срв. выше: „*аглицкій песъ*“ уже въ исправленной редакціи. (*Такъ* и въ первонач. редакціи, III. 369). Пушкинъ и въ этомъ случаѣ держится салоннаго произношенія *англійскій:* „Подобный *англійскому* сплину“ (III, 250). Срв. въ прозѣ Пушкина: „Развелъ онъ *англійскій* садъ“. „Конюхи его были одѣты *англійскими* жокеями“. „Поля свои обрабатывалъ онъ по *англійской* методѣ“. (Соч. Пушкина IV, стр. 75). И въ словѣ *проектъ* Гоголь и Пушкинъ, съ одной стороны, идутъ за принятыми въ образованномъ обществѣ ихъ времени произношеніями и употребляютъ *прожектъ* (Пушкинъ VII, 296) на франц. манеръ *(le projet)*, съ другой, — Гоголь не чуждается и слова *проектъ*. Напримѣръ, Гоголь пишетъ: „Впрочемъ, всѣ эти *прожекты* такъ и оканчивались только одними словами“. (III, 21). Но: „Онъ... представилъ *проектъ* изловить всѣхъ контрабандистовъ“. (III, 287). Въ третьемъ мѣстѣ у Гоголя читаемъ: „Его занималъ другой *прожектъ*—купить имѣніе Хлобуева“. (IV, 359). Или: „выгрузилъ имъ цѣлую кучу *прожектовъ*“. (IV, 368).

Такая же руссификація, какъ въ словѣ *аглицкій* или *биліартный* (срвн. народное произношеніе *паратный — la parade*), допущена Гоголемъ, къ пользѣ будущаго и наступившаго послѣ Гоголя дальнѣйшаго развитія нашего языка, въ склоненіи слова *бюро:* Гоголь пишетъ: „На *бюрѣ*, выложенномъ *перламутною* мозаикой.. лежало множество всякой всячины“. (III, 112. См. Примѣч. III, 486). Но такія формы, въ виду неустановившагося еще состоянія русскаго литературнаго языка по отношенію къ иностраннымъ словамъ (франц. *le bureau)*, прокрадываются даже у смѣлаго Гоголя довольно робко:

КНИГИ ИЗЪ СОБРАНІЯ
Л. К. СИМОНИ.

въ другомъ мѣстѣ онъ уже пишетъ: „... понесъ ихъ (деньги) къ *бюро* съ такою же осторожностью, какъ будто бы несъ какую нибудь жидкость“... (III, 127). Также согласно съ народнымъ произношеніямъ Гоголь пишетъ „*перламутною*“ (III. 112), а не „*перламутровою*“, что было бы соотвѣтствіемъ по звукамъ съ нѣм. „*Perlmutter*“. Противъ этой смѣлой перелицовки иностраннаго слова нельзя ничего сказать, такъ какъ она согласна съ духомъ русскаго языка. Наше дѣло однако различать у Гоголя смѣлость мысли и смѣлость языка: послѣдняя часто происходила изъ пренебрежительнаго отношенія Гоголя къ формѣ мысли, т.-е. къ языку, какъ видно изъ его же собственныхъ словъ: „О слогѣ или красотѣ выраженій здѣсь нечего заботиться: дѣло въ *дѣлѣ* и въ *правдѣ* дѣла, а не въ слогѣ“, говоритъ Гоголь въ Предисловіи ко второму изданію перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ въ 1846 году. Въ письмѣ же къ Шевыреву отъ 6-го октября 1843 года Гоголь пишетъ: „Приступи ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ“; поправокъ не нужно, кромѣ развѣ въ языкѣ и слогѣ, что ты можешь сдѣлать лучше моего“ (III, 251 и 501). Такимъ образомъ, мы видимъ, что Гоголь самъ сознавалъ, съ одной стороны, что его языкъ и слогъ нуждается въ поправкахъ, съ другой, — языку своему Гоголь не придавалъ особаго значенія, находя, что дѣло не въ языкѣ. Здѣсь есть нѣкоторое внутреннее противорѣчіе, которое, съ изданіемъ сочиненія Гоголя по его рукописямъ, устраняется тѣмъ, что Гоголь дѣйствительно пренебрегалъ формою ради содержанія и идеи, что онъ сознательно часто не обращалъ вниманія на языкъ литературы своего времени, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ языкъ обнаруживалъ уже устойчивыя и установившіяся послѣ Пушкина формы.

Это обстоятельство, вѣроятно, и вызвало собой замѣчаніе Пушкина о языкѣ Гоголя слѣдующаго содержанія: „Прозой пишу я гораздо неправильнѣе (чѣмъ стихами)“, сказалъ Пушкинъ про себя въ 1831 году, „а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь“. (Соч. Пушкина. Изд. Литер. Ф. V, 135). Такой отзывъ великаго художника о языкѣ Гоголя тѣмъ болѣе достоинъ особаго вниманія съ нашей стороны, потому что самъ Пушкинъ былъ врагомъ стѣсненія свободы языка въ смыслѣ поддержки традиціонныхъ пріемовъ, формъ и сочетаній. Такой взглядъ на русскій литературный языкъ Пушкинъ выразилъ въ письмѣ къ М. П. Погодину отъ ноября 1830 года по поводу его трагедіи „Мароа Посадница“. Здѣсь Пуш-

кинъ пишетъ: „Одна бѣда — слогъ и языкъ. Вы не правильны до безконечности—и съ языкомъ поступаете, какъ Іоаннъ съ Новымгородомъ. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его, — усѣченій, сокращеній—тьма. Но знаете ли? и эта бѣда—не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе. Разумѣется, сообразно съ духомъ его. И мнѣ Ваша свобода болѣе по сердцу, чѣмъ чопорная наша правильность". (Соч. Пушкина. VII, № 256. Стр. 246 — 247). Изъ этого отзыва о языкѣ Погодина и вообще о языкѣ нашей литературы мы видимъ, что Пушкина нельзя никакъ упрекнуть въ пристрастномъ отношеніи къ языку Гоголя, который, по мнѣнію Пушкина, писалъ хуже даже, чѣмъ говорилъ Пушкинъ или почти такъ, какъ говорилъ Пушкинъ. Тѣмъ не менѣе мы обязаны сказать, что во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ на Гоголя нисколько не падаетъ отвѣтственность за употребленіе приведенныхъ формъ въ заимствованныхъ словахъ: таково было состояніе литературнаго языка, и на это состояніе и падаетъ отвѣтственность.

Напротивъ того, Гоголь въ указанномъ отношеніи, напримѣръ, употребляя форму „*на бюрѣ*" и под., болѣе согласовался съ духомъ русскаго языка и тѣмъ двинулъ его въ указанномъ отношеніи впередъ даже послѣ Пушкина (Сравните наше выраженіе „*въ пальтѣ*", „*въ день*" и под.), но *въ общемъ* языкъ Пушкина и до сихъ поръ ближе къ нашему литературному языку нашего времени, чѣмъ языкъ Гоголя, и это, главнымъ образомъ, выразилось въ синтаксисѣ Гоголя, который мѣстами представляетъ случаи явнаго регресса противъ языка Пушкина 30-хъ годовъ. Намъ остается упомянуть еще о нѣсколькихъ иностранныхъ словахъ въ языкѣ Гоголя прежде, чѣмъ перейти къ формамъ чисто-русскаго языка и оцѣнить и въ этомъ отношеніи Гоголя съ точки зрѣнія исторіи русскаго литературнаго языка.

Гоголь употребляетъ слово „*пульпитръ*" (нѣм. *das Pulpet*, по франц. *le pupitre)*, вмѣсто котораго нынѣ уже господствуетъ форма, соотвѣтствующая по звукамъ французскому слову: „*пюпитръ*". Гоголь пишетъ: „Полковника онъ засталъ за *пульпитромъ* стоячей (въ ркп. „стоящей") конторки". (IV, 344). Въ словѣ „бульваръ" Гоголь страннымъ образомъ держится написанія французскаго слова *(le boulevard)* и пишетъ: „Понимаю", подумалъ Чичиковъ, „кончится дѣло кондитерскими да *булеварами*"... (IV, 330). Между тѣмъ какъ Пушкинъ уже увѣковѣчилъ въ своемъ языкѣ нынѣшнее произношеніе этого слова, сказавъ:

„Онѣгинъ ѣдетъ на *бульваръ*
И тамъ гуляетъ на просторѣ“ (III, 240).

Съ другой стороны, и Гоголь и Пушкинъ употребляютъ слово „*анекдотъ*“ въ смыслѣ „*случай*“: Гоголь пишетъ:

„И такой скверный *анекдотъ*, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ“! — продолжалъ Плюшкинъ“. (III, 119). А Пушкинъ пишетъ: „Старики вспомнили прежнее время и *анекдоты* своей службы“ (IV, 86).

Въ другомъ случаѣ, слѣдуя своему времени, Гоголь употребляетъ слово: „*матерія*“ въ смыслѣ „предмета разговора“, „темы“, и слово „*декларація*“ въ смыслѣ „объявленія“: напримѣръ, Гоголь говоритъ: „Плюшкинъ сѣлъ въ кресла и уже, казалось, больше не могъ найти *матеріи*, о чемъ говорить“ (III, 127). Или: „Потомъ сдѣлалъ *декларацію* насчетъ руки дочери“ (III 191). Но безъ слова „*скандальозъ*“ (франц. прилагат. *scandaleuse*, нѣм. прилагат. *scandalös*) Гоголь могъ бы обойтись къ пользѣ своего языка, однако онъ пишетъ: „словомъ *скандальозу* надѣлалъ ужаснаго: вся деревня сбѣжалась, ребенки плачутъ, все кричитъ, никто никого не понимаетъ“.. (III, 183).

Теперь перейду къ чисто русскимъ словамъ, рисующимъ состояніе нашего литературнаго языка того времени и снимающимъ съ Гоголя всякую отвѣтственность за употребленіе ихъ въ устарѣлой нынѣ формѣ или въ формѣ, не согласной съ принципомъ этимологіи, но согласной съ господствующимъ произношеніемъ. Къ такимъ формамъ относятся формы имен. падежа множ. числа: *гумны*—IV, 354, *сукны*—IV, 379, *креслы*—III, 93, срв. III, 114, *солнцы*—III, 131 и др. У Пушкина мы видимъ: *копыты* — II, 49, *льты* — I, 45, 272, 309. III, 378, *желѣзы* — I, 219, *стойлы* — II, 27, *жалы* — II, 65, *чернилы* — I, 8, *вёслы* — II, 15 и др. Непонятна у Гоголя форма: *ребенки* мн. ч. — III, 183. Сюда же относятся такія формы у Гоголя, какъ *два рубли*— III, 99, 102, IV, 375. Съ завтрашняго *дни* — IV,364, къ вечеру того же *дни* — IV, 364, III, 362, два три *дни* — IV, 371, III, 235, 316, онъ не оставался и одного *дни*—IV, 362, полтора *дни*—III, 225, съ другого же *дни*—III, 226. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, отчасти отмѣченныхъ уже выше, а отчасти еще подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, Гоголь стоялъ ближе къ народному произношенію, чѣмъ къ литературному, и удалился отъ современной ему этимологіи литературнаго языка.

Равнымъ образомъ Гоголь и Пушкинъ одинаково употребляютъ

формы *домы* и *дома́*. (Гоголь: III, 6, 7, 117, 120, 212, 219, 220. Срв. 233, 291, IV, 344 и др.). (Пушкинъ IV, 110, 230. См. нашъ „Опытъ Грамматики языка А. С. Пушкина. Ч. I. Вып. I, С.-Пб. 1901. Стр. 48).

II Гоголь и Пушкинъ употребляютъ форму *плеча* при формѣ *плечи*: Гоголь—III, 84, IV, 328. Пушкинъ—III, 370, 92.

II Гоголь и Пушкинъ употребляютъ формы: *дерева́*, *деревъ:* Гоголь—IV, 338, 336, 339. Пушкинъ—Нашъ „Опытъ". Ibid., стр. 75.

II Гоголь и Пушкинъ употребляютъ формы *сапоговъ* при *сапогъ:* Гоголь — III, 222, IV, 387, 390. Пушкинъ — см. нашъ „Опытъ". Ibid, 49.

Не двигаетъ впередъ также языка Гоголь, употребляя форму: *на земли* во фразѣ: „летитъ мимо все, что ни есть „*на земли*"—III, 249. Эта форма извѣстна въ языкѣ Жуковскаго, ее же списалъ у Жуковскаго однажды и Пушкинъ. (Нашъ „Опытъ", ibid., стр. 87).

Согласно съ народнымъ произношеніемъ и Пушкинъ и Гоголь употребляютъ форму *земь* при *земля;* Гоголь: „шлепнулся о *земь*" — III, 134. Пушкинъ—II, 148 и др. (См. нашъ „Опытъ" ibid., 88).

Не погрѣшилъ Гоголь противъ тогдашняго литературнаго языка и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ употребляетъ формы: *недѣлей* — род. п. мн. ч. — III, 6. (Изъ Пушкина мы знаемъ даже *бурей* въ числѣ прочихъ подобныхъ формъ. См. нашъ „Опытъ", ibid., стр. 89). Или: *вѣки* за вѣками — IV, 304. Или форму: *ловче* — IV, 309. Также въ уровень съ тогдашнимъ литературнымъ языкомъ идетъ Гоголь, употребляя: *склизкій* вм. *скользкій*—IV, 288; *дуброва* при *дубрава*—IV, 318; *куды* и *никуды* (при *куда*)—IV, 299, 343, 358, 361, 372, 381, 399. (Срв. у Пушкина—IV, 19) [1]). Также вслѣдъ за уровнемъ идетъ Гоголь, употребляя род. п. мн. ч. *помѣстьевъ*—III, 75; употребляя то въ муж., то въ жен. родѣ слово *овощъ*—III, 44, 114; форму *къ церквѣ* — IV, 394, отъ народнаго имен. падежа *церква;* употребляя форму муж. рода *дрязгъ*—III, 114; форму род. мн. ч. *тяголъ*—IV, 354; форму *тупенька* вм. *тупонька* — IV, 368; *свѣчный* заводъ вм. *свѣчной*—IV, 349; *въ чужи* вм. *вчужь*—IV, 348.

Наконецъ, слѣдуя народному словоупотребленію, Гоголь и Пуш-

---

[1]) См. нашъ „Опытъ". Вып. II, стр. 71.

кинъ согласно употребляютъ слова: *оттолѣ*—IV, 355, 356; *лихъ*—III, 119. („Да *лихъ* то, что съ того времени до ста двадцати наберется". У Пушкина: „Да *лихъ*, губки твои на 400 верстъ не оттянешь" (VII, № 428, стр. 382).

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ мы видимъ Гоголя не творцомъ русскихъ литературныхъ формъ языка, не новаторомъ, а послѣдователемъ той идеи языка нашей изящной литературы, которая, выразилась уже въ дѣятельности Пушкина гораздо раньше Гоголя. То же слѣдуетъ сказать и объ употребленіи Гоголемъ выраженія „*да и полно*"—III, 78, 200, въ смыслѣ „да и будетъ", „и довольно", выраженія, которое, въ виду употребленія его и Пушкинымъ, нельзя у Гоголя считать малоруссизмомъ.

Слѣдуя примѣрамъ литературнаго языка своего времени, Гоголь употребляетъ формы со слѣдующими образованіями: *двинутся*—IV, 359, 363; *подвернулись*—III, 192; *исчезнула*—III, 221; IV, 324; *постинулъ*—III, 227, 148; *постинули*—III, 284; *потухнули*—III, 113; *затихнувшая*—III, 124; *свыкнулся*—IV, 297; *заглохнувшаго, исторгнулись*—IV, 299; *достинулъ*—IV, 303; *исчезнулъ*—IV, 305, 330; *потухнулъ*—IV, 306; *просохнувшей*—IV, 312; *исчезнули*—IV, 355; *притихнулъ*—IV, 371.

Всѣ эти формы, слова и виды словообразованія можно указать и у Пушкина: онъ пишетъ „*полно*" въ смыслѣ „довольно"—I, 11, 155; *умолкнулъ*—I, 142; *погаснули*—I, 149; *подвинулъ*—I, 253; *приникнулъ*—III, 296; *достигнулъ*—III, 186 и др. Далѣе, Гоголь пишетъ: „на нихъ *наскакала* коляска"—III, 86. А Пушкинъ пишетъ: „Иванъ Петровичъ *подскакалъ* къ нему, освѣдомляясь, не ушибся ли онъ"—IV, 84. И Гоголь и Пушкинъ употребляютъ въ одинаковомъ значеніи формы „*сыны*" и „*сыновья*" (Гоголь—IV, 330.Пушкинъ—см. нашъ „Опытъ", I, 48).

Оба писателя употребляютъ въ своемъ языкѣ гораздо болѣе формъ на—*у* въ род. падежѣ ед. числа именъ сущ. муж. рода съ окончаніемъ имен. падежа на—*ъ*, чѣмъ употребляетъ современный намъ литературный языкъ. Но Гоголь въ этомъ отношеніи также подходитъ еще ближе къ народному языку, чѣмъ Пушкинъ. (См. нашъ „Опытъ"—I, стр. 37—41). У Гоголя, кромѣ общихъ формъ съ Пушкинымъ, находимъ массу другихъ. Именно, кромѣ такихъ формъ какъ:

Всѣ эти формы во всѣхъ этихъ именахъ существительныхъ встрѣчаются и у Пушкина. См. нашъ „Опытъ". Вып. I. Стр. 37—41.

проку (III, 48, 118, 124, 260); низу (IV, 379, 288 и сложныя съ предлогомъ),
табаку (III, 28, 68, 89, 199); но: табака, сахара—IV, 451.
изюму (III, 68; IV, 290); верху (IV, 289, 346 и сложныя съ предлогомъ),
вѣсу (III, 75, 140, 207); квасу (IV, 367); с-дуру (IV, 321),
роду (III, 79, 161, 214, 259, 371; IV, 348),
толку (III, 100, 110, 135, 153, 188, 203, 208, 238; IV, 341, 345, 346, 364), льну (IV, 362).
виду (III, 104; IV, 375),
духу (III, 262, 150; IV, 389, 371); слуху (IV, 371); но: промаха—IV, 358,
дому (III, 134, 145 147; IV, 323, 339, 348),
разу (III, 230; IV, 341, 384),
спору (III, 152),
часу (III, 159),
смѣху (III, 180).
народу (III, 201, 241),
вздору (III, 79),
сыру (III, 263),
испугу (III, 214),
страху (III, 214),
гороху (III, 231); голоду (IV, 349); снѣгу (IV, 405).

Гоголь употребляетъ еще формы: убытку—III, 49; доходу—III, 59; IV, 312, 338; банку (III, 74); задору—III, 78; лоску—III, 262; саду—III, 371; чаду—III, 238; капиталу—III, 234, 238, 241; IV, 392; таланту—III, 226; вкусу—III, 161 (и *вкуса*—III, 161), огоньку—III, 125; пожару—III, 119; прибытку—III, 134; куражу—III, 170; оброку—III, 99, 117; пѣшнику—III, 120; такту—IV, 309; крику—IV, 312; боку—IV, 337; гарниру—IV, 337; ледку—IV, 337; соблазну—IV, 341, 376; задаточку—IV, 342; кирпичу—IV, 344; сбыту—IV, 351; супу—IV, 352; дрязгу—IV, 359; хламу—IV, 359; чину—IV, 376; дыму—IV, 380; скандальозу—III, 183.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ Гоголь приблизилъ болѣе Пушкина литературную рѣчь къ народной. Кромѣ этихъ случаевъ, Гоголь прямо

уже стоитъ въ центрѣ, такъ сказать, народной рѣчи, употребляя формы: *найтиться*—III, 14; *пройтиться*—III, 21; *сойтиться*—III, 74; *навкрестъ*—IV, 329; III, 325.

Особенности образованія формъ у Гоголя, обусловленныя также состояніемъ русскаго литературнаго языка того времени, замѣтны и въ формахъ: *накрошивая, насоривая*—IV, 290; *споривала*—IV, 304. Ср. *посторанивaются*—III, 249. Но опять: *состроиваются*—III, 225.

Прямо слабое знаніе литературнаго языка обнаружилось у Гоголя въ употребленіи *причастій съ частицей „бы“*. Это есть несомнѣнный регрессъ, такъ какъ такіе обороты нельзя оправдать ни исторіей, ни діалектологіей русскаго языка. Напримѣръ, „Спитъ умъ, можетъ быть, *обрѣтшій бы* внезапный родникъ великихъ средствъ“. III, 245. Ср. III, 431.

Итакъ, до сихъ поръ мы отмѣчали тѣ черты языка у Гоголя, которыми онъ обнаружилъ, что состояніе русскаго литературнаго языка подъ его перомъ не двинулось далѣе послѣ формъ языка, упроченныхъ въ литературѣ Пушкинымъ. Кромѣ этого, мы отмѣтили до сихъ поръ случаи бо́льшаго приближенія къ языку народа великорусскаго у Гоголя, чѣмъ у Пушкина; и нельзя не признать, что эти случаи, какъ напримѣръ, *найтиться, навкрестъ* и под., не будучи вызваны ни потребностями слога или содержанія, ни вообще цѣлями художественными, въ языкѣ литературы не могутъ служить залогомъ прогрессивнаго движенія языка, такъ какъ эти случаи не оправдываются ни діалектическимъ колоритомъ языка, ни бытовымъ содержаніемъ разсказа. Это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: „Пріѣзжій во всемъ какъ-то умѣлъ *найтиться* и показалъ въ себѣ опытнаго свѣтскаго человѣка“ (III, 14). Или: „Они поцѣловались, по старому русскому обычаю троекратно *навкрестъ*: баринъ былъ стараго покроя“ (IV, 329). Или: ... *ради* или *не ради*, но должны сѣсть“—III, 28,—говоритъ Маниловъ. Къ такимъ же случаямъ регресса въ языкѣ литературномъ относятся у Гоголя тѣ діалектическія (южнорусскія) черты или элементы, а равно и тѣ провинціализмы въ слогѣ, которыми, можно сказать, изобилуетъ синтаксисъ рѣчи Гоголя, и которые не оправдываются ни художественными цѣлями, ни требованіями соотвѣтствія рѣчи сословію и образованію говорящаго лица. Тогда какъ во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ нельзя усматривать діалектическаго элемента въ языкѣ Гоголя въ виду ихъ полнаго соотвѣтствія со случаями аналогичными у Пушкина, въ нижеслѣдующихъ случаяхъ, напротивъ того, необходимо усматривать, именно, діалектическій (южно-

русскій) элементъ рѣчи Гоголя и его провинціализмы. Напримѣръ, Гоголь пишетъ: *размычетъ*—IV, 372 (=размыкаетъ, про хандру), *раздобарывая*—въ первой ред.—III, 307. Ср. въ исправленной ред. „раздобаривая"—IV, 314; *сторчакомъ*—IV, 338; *скрытка*—III, 145, 168; *ребенки*—III, 183 (=ребята).

„Козявки и всякая дрянь было *напичкались* туда"... III, 123. „Батюшки мои, сколько васъ здѣсь *напичкано!*" (про имена мужиковъ на запискѣ)—III, 133, *куряка* (=курильщикъ—III, 213; IV, 302). „А газъ такъ и шибнулъ пріятнымъ *кручкомъ* изо рта въ носъ"—IV, 373. Ср. „онъ *покрутилъ* носомъ"—III, 130.

„Жалко *по* школѣ"—IV, 296. „*Напскивался* на то"—IV, 297. „Не *такъ, чтобы* слишкомъ молодъ"—III, 3. „Не *такъ, чтобы* толстые... III, 168. „*Ближисе* къ сердцу"—III, 15. „Лица не *такъ замѣтныя*"—III, 15. Ср. подобные обороты: III, 166, 171; IV, 296, 302. „*По-за* спиною"—III, 85. „Сказалъ *дурака*"—III, 44. „*Ворчитъ* межъ зубами" (про уху)—III, 57. „*Того же вечера*"—III, 66. „*Близъ* пяти часовъ"—III, 72. „*Клевался* носомъ"—III, 73. „*Хвостикъ* языка"—III, 108. „*Попавши* бревно" (=нашедши и схвативши)—III, 105. „Ростомъ *въ* теленка"—III, 96. Ср. „ростомъ не болѣе лѣсного орѣха"—III, 112. „*Эдакое* разскажешь—III, 95. „Досада *за* то"—III, 87. *Треньканье*—III, 91. „Было повязано что-то *такое, котораго* нельзя было разобрать"—III, 114. Ср. 157, 172 и др. „Чичиковъ встрѣтилъ его, *такъ* принаряженнаго"—III, 114. „*Понатолкался* было нанять"—III, 200. „Написалъ... *записочку пожаловать*"—III, 207.

„Прошу *крѣпко*"—III, 252. „Боялся *крѣпко*"—IV, 328. „Заснули *по* постелямъ"—IV, 359. „Я вамъ *займу* 5000" (=дамъ взаймы)—IV, 366. Ср. IV, 353. „*Скрѣпя* сердце"—IV, 301, 306. II: „*скрѣпясь* сердцемъ"—IV, 296. „*Взошелъ* въ лавку"—IV, 379. Ср. IV, 400.

Гоголь употребляетъ выраженіе: „*въ силу*" вм. насилу—IV, 334. Ср. 389. (Ср. у Пушкина: *насилу*—IV, 343). Говоритъ „*спеленатъ*", согласно съ московскимъ діалектомъ,—IV, 320; III, 313; далѣе, уже согласно съ духомъ южнорусскаго нарѣчія, Гоголь употребляетъ опять подобныя выраженія, какъ: „*Многое разное* значитъ у русскаго народа почесыванье въ затылкѣ"—III, 216.

Такимъ образомъ, если выключить московскую форму „спеленатъ", то мы получимъ рядъ діалектическихъ южно-русскихъ произношеній и оборотовъ, которые вошли въ гоголевскій языкъ безъ надобности и должны быть объясняемы его смѣшаннымъ говоромъ, который, при небрежности отношенія Гоголя къ стилю и языку во всѣхъ случаяхъ,

БИБЛИОТЕКА

гдѣ онъ не является передъ нами вдохновленнымъ художникомъ съ актомъ *безсознательнаго* творчества, обнаруживался невыгоднымъ образомъ для развитія русскаго литературнаго языка. На южно-русскую основу наслоились въ языкѣ Гоголя ко времени написанія „Мертвыхъ Душъ“ элементы языка московскаго и петербургскаго, а также элементы діалектическаго строя рѣчи Калужской, а можетъ быть, и другихъ губерній, такъ какъ герой „Мертвыхъ Душъ“ побывалъ и въ Симбирской, и въ Рязанской, и въ Пензенской, и въ Вятской губерніяхъ (III, 169). По крайней мѣрѣ, въ языкѣ „Мертвыхъ Душъ“ мы видимъ и чисто сѣверно-великорусскіе слова. Напримѣръ, „размычетъ“, „шанишки“ и друг.

Отмѣтимъ также въ языкѣ Гоголя тѣ случаи его собственной небрежности по отношенію къ языку, которые не зависѣли ни отъ состоянія грамматики литературнаго языка того времени [1]), ни отъ особенностей произношенія Гоголя и условій его рѣчи, сложившейся на югѣ Россіи и смѣшавшейся, вѣроятно, въ своеобразномъ сочетаніи элементовъ южно-русскаго и сѣверно-великорусскаго нарѣчія, а потому должны быть отнесены на долю его недостатковъ, легко устранимыхъ при болѣе тщательномъ отношеніи автора къ своему языку.

Сюда, напримѣръ, мы относимъ изобиліе такихъ оборотовъ рѣчи, которые, будучи нарушеніемъ обычныхъ въ то время правилъ синтаксиса, въ то же время затемняютъ смыслъ рѣчи Гоголя. Напримѣръ, Гоголь пишетъ: ... „отправился домой прямо въ свой *нумеръ, поддерживаемый* слегка на лѣстницѣ трактирнымъ слугою“ III, 8.

„Ту же (муху), которая имѣла неосторожность подсѣсть близко къ *носовой ноздрѣ*, онъ потянулъ въ просонкахъ въ самый носъ“...—III, 93.

Такая же „носовая“ ноздря встрѣчается еще разъ у Гоголя въ слѣдующемъ мѣстѣ: „... выпустилъ опять дымъ, но только уже не ртомъ, а чрезъ *носовыя ноздри*“—III, 32. Изъ этихъ примѣровъ очевидно, что небрежность въ языкѣ Гоголя не всегда имѣла своей причиной невнимательность Гоголя по отношенію къ языку, но во многихъ случаяхъ должна объясняться прямо неумѣніемъ выражаться или построить свою рѣчь и прямо незнаніемъ обихода литературнаго языка. Очень можетъ быть, что эти недостатки особенно рѣзко обна-

---

[1]) Состояніемъ языка того времени объясняются у Гоголя также частые обороты въ родѣ слѣдующихъ: „Зачѣмъ же быть *такъ строгу* къ другимъ“ III, 243. „Быть *просту*“—III, 253. Ср. 260 и под. Или: „комиссія была уже *синица* въ рукахъ“—III, 236 и др. под.

руживались въ языкѣ Гоголя тогда, когда онъ не чувствовалъ вдохновеннаго настроенія, а намъ извѣстно, что онъ часто въ письмахъ своихъ жаловался на свою временную неспособность работать и на свое ослабленіе. Очевидно, въ такіе періоды языкъ ему мало удавался и поддавался.

Въ такіе періоды подавленнаго настроенія Гоголь не владѣлъ свободно языкомъ: у него часто замѣчаются и неудачныя, хотя и очень смѣлыя, образованія въ языкѣ, и бѣдные, однообразные обороты, и повторенія однихъ и тѣхъ же сравненій. Такъ, напримѣръ, Гоголь образуетъ слово: „*толковня*"—III, 190 по аналогіи и въ смыслѣ „*болтовня*"; „*дремствовать*"—III, 395; IV, 390; по аналогіи съ „*бодрствовать*"; „*прибыточный*"—III, 128 по аналогіи съ „*убыточный*". И Маниловъ и Собакевичъ у Гоголя въ одинаковыхъ выраженіяхъ рекомендуютъ Чичикова своимъ женамъ, говоря: „*Душенька!*—Павелъ Ивановичъ!" (III, 23, 92). И Маниловъ и Собакевичъ оба „долго стоятъ на крыльцѣ", когда бричка Чичикова выѣзжаетъ со двора ихъ и скрывается изъ виду (III, 35, 105). Чичиковъ, любуясь передъ зеркаломъ на себя, дѣлаетъ „антраша", слѣдствіемъ котораго является въ двухъ разныхъ мѣстахъ поэмы „дрожаніе комода", изображенное почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ: въ первомъ мѣстѣ: „задрожалъ комодъ и упала со стола щетка",—III, 160. Во второмъ: „Вздрогнулъ комодъ и упала на землю стклянка съ одеколономъ"—III, 392.

Или, напримѣръ, Гоголь пишетъ: „разговора, который произошелъ между *одними двумя* дамами".—III. 177. Или: „...двѣ собаченки, спавшія *передъ солнцемъ*".—III. 177. А на слѣдующей страницѣ Гоголь повторяетъ эту фразу уже въ такомъ видѣ: „Пріѣздъ гостьи разбудилъ собаченокъ, спавшихъ *на солнцѣ*".—III. 178. Къ такимъ же оборотамъ относятся, напримѣръ, слѣдующіе: „...она наконецъ *не вытерпѣла не сказать*"... III. 177. Или, напримѣръ, слѣдующій періодъ рѣчи: „Знай господинъ самъ хотя сколько-нибудь толку въ хозяйствѣ, да умѣй различать людей—у него будетъ всегда хорошій управитель". „*Но* управляющій сказалъ, что меньше, какъ за 5000, нельзя найти хорошаго управителя. *Но* предсѣдатель сказалъ, что можно и за три тысячи сыскать. *Но* управляющій сказалъ: „Гдѣ же вы его сыщете? развѣ у себя въ носу?" *Но* предсѣдатель сказалъ: „Нѣтъ, не въ носу, а въ здѣшнемъ же уѣздѣ".. и т. д.—III. 153. Это однообразіе и повтореніе союза „*но*" не только затрудняетъ чтеніе, но и необычно у настоящаго художника слова. Гоголь, не стѣсняясь не-

ясностью рѣчи, не боясь справедливаго въ томъ упрека, пишетъ: ...„на закускѣ послѣ *обѣдни, данной* городскимъ *главою, которая* тоже стоила обѣда“.—III. 14. Или: „Старуха... принесла... солонку, которую никакъ нельзя было поставить прямо на столъ. Герой нашъ, по обыкновенію, сейчасъ вступилъ *съ нею* (?) въ разговоръ“.. III. 59. Особенно злоупотребляетъ Гоголь мѣстоименіями, разсчитывая на догадливость читателя и не придавая никакого значенія формѣ изложенія. Напримѣръ, „Голосъ его показался Чичикову какъ будто нѣсколько знакомымъ. Пока *онъ его* (?) разсматривалъ, бѣлокурый успѣлъ уже нащупать дверь и отворить ее“.—III. 59. Или: „...видѣли... жеребца, на видъ и не *казистаго*, но *за котораго* Ноздревъ *божился, что заплатилъ* десять тысячъ“.—III. 69. Или: „...одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что *онъ* (?) долженъ былъ всякій разъ закрывать *его* (?) платкомъ“... III. 113. Или: „Нужно же такое странное сближеніе: *его* даже звали Михайломъ Семеновичемъ. Зная привычку *его* наступать на ноги, *онъ* очень осторожно передвигалъ своими и давалъ *ему* дорогу впередъ“. III. 91. Такихъ оборотовъ съ обильными повтореніями мѣстоименій: *онъ, его, ему, который* и проч., у Гоголя очень много. См., напримѣръ, III. 118, 189.

Кромѣ приведенныхъ выше примѣровъ, сюда относятся такіе, какъ: ...„рябиновка, *имѣвшая*... совершенный вкусъ сливокъ, *но въ которой*... слышна была сивушница“... III. 73. Или: „...явленіе, не похожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, *которое* хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, не похожее на тѣ, *которыя* суждено ему чувствовать всю жизнь“. III. 88. Или: „Потомъ опять слѣдовала героиня греческая Бабелина, *которой* одна нога казалась больше всего туловища тѣхъ щеголей, *которые* наполняютъ нынѣшнія гостиныя“. III. 92. Или: „Господа чиновники прибѣгнули еще къ одному средству, не весьма благородному, *но которое*, однакоже, иногда употребляется“... III. 196. Или: ...„въ разговорахъ его ничего не было *такого, которое* бы показывало“... III. 199. Или: ...„добрые люди, *но которые*... сдѣлались потомъ формальными пьяницами“. IV. 307. Сравн. III. 173. Или „Но, за неимѣньемъ военнаго поприща, *на которомъ бы*, можетъ быть, его *сдѣлали бы* честнымъ человѣкомъ“.. IV. 397. Или: „...обратится... къ какому-нибудь нечаянно пришедшему третьему, даже вовсе незнакомому, *отъ котораго знаетъ, что не услышитъ* ни отвѣта, ни мнѣнія“... III. 100. Или: ...„напросятся насильно на тотъ обѣдъ, *куда узнаютъ, что приглашенъ* милліонщикъ“. III. 157—158. Или: ...„въ одномъ

звукѣ этого слова... заключается *что-то такое, которое* дѣйствуетъ"... III. 157. Въ послѣднемъ оборотѣ и въ подобныхъ ему имѣемъ еще признаки діалектическаго южно-русскаго синтаксиса мѣстоименія „*который*". Такихъ оборотовъ вообще много. Кромѣ этихъ оборотовъ, мы часто находимъ у Гоголя своеобразное управленіе глаголовъ и описательныя выраженія: напримѣръ, ...„сказалъ Плюшкинъ, свѣсивъ голову внизъ и *сокрушительно покачавъ ее*". III. 126. Или: „Тутъ онъ *произвелъ небольшое молчаніе*". III. 122. Или: ...„губернаторъ *сдѣлалъ ему приглашеніе*"... III. 9. И много другихъ.

Смѣлость, соединенная съ небрежностью въ образованіяхъ этимологическихъ формъ, замѣтна у Гоголя въ такихъ примѣрахъ, какъ: ...„хвосты, *зовомые* у собачеевъ правилами"... III. 70. Или: ...„внимательность къ туалету, *какой даже не вездѣ видывано*". III. 9. Или: ...„глотающіе устерсъ, морскихъ пауковъ и прочихъ *чудъ*"... III. 57. Или: ...„закусываетъ... вся... Россія... всякими *соленостями*"... III. 94. Въ такомъ легкомъ беллетристическомъ произведеніи, какъ „Мертвыя Души", мы часто встрѣчаемъ формы: „*будучи подвигнутъ*"— III. 126. „онъ *былъ носимъ* на рукахъ"—III. 155. „Онъ слегка *трепнулъ* себя по подбородку". III. 160. И много другихъ подобныхъ. Самодѣльныя образованія въ языкѣ видны у Гоголя и въ слѣдующихъ случаяхъ: онъ, напримѣръ, пишетъ: ...„буде окажется въ ихъ губерніи какой подозрительный человѣкъ, не *предъявящій* никакихъ свидѣтельствъ"... III. 195. „Постарался замять неумѣренный порывъ *восторновенья*". IV. 371. „Закускѣ *послѣдовалъ* обѣдъ". IV. 333. „Глупѣй въ-сотеро". IV. 350 „*встряхнутьемъ* носового батистоваго платка". IV. 309 „онъ вырвался изъ рукъ *обѣихъ жандармовъ*". IV. 390. Если бы не эта небрежность языка, мы бы у Гоголя узнали настоящій смыслъ слова „*пролетка*". Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ Гоголь пишетъ: „на *пролетныхъ* красивыхъ дрожкахъ"—III. 229. Въ другомъ: „У меня стоятъ готовыя *пролетки*". IV. 343. До сихъ поръ этимологія этого слова ясна и понятна. Но въ третьемъ мѣстѣ Гоголь пишетъ: „Кучеръ стоялъ съ *пролеткой* наготовѣ"—IV. 348. А затѣмъ опять: „*пролетки* хозяина слѣдовали за ними порожнякомъ". IV. 359. Или: „Простился, сѣлъ и уѣхалъ на своихъ *пролеткахъ*" IV. 363.

Однако на фонѣ этихъ, хотя и мелочныхъ, но съ точки зрѣнія исторіи русскаго литературнаго языка существенныхъ недостатковъ языка Гоголя, свидѣтельствующихъ во всякомъ случаѣ о регрессѣ литературнаго языка въ указанныхъ пунктахъ подъ перомъ Гоголя,

мы видимъ цѣлый рядъ мѣткихъ и образныхъ словъ и выраженій, большею частью принадлежащихъ діалектическому лексикону, обогатившихъ русскій литературный языкъ благодаря той силѣ таланта Гоголя, которая проявлялась въ немъ помимо его сознанія въ минуты его художественнаго творчества. Этимъ минутамъ принадлежитъ и образный языкъ Гоголя и удачныя сравненія и яркость тѣхъ красокъ, которыми Гоголь умѣлъ иногда рисовать картины въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, употребляя въ сущности не краски, а тотъ же русскій языкъ, который *въ общемъ* въ „Мертвыхъ Душахъ" оставляетъ на историка языка непріятное впечатлѣніе у Гоголя. Скажемъ сначала объ отдѣльныхъ словахъ, которыми Гоголь обогатилъ свой языкъ и обрисовалъ свои мысли. Мы, напримѣръ, находимъ у него изъ такихъ словъ нѣкоторыя даже діалектическія, но необходимыя въ литературномъ языкѣ въ виду ихъ мѣткости и способности выразить кратко цѣлое описательное предложеніе. Такъ, мы находимъ: „*матерчатый* шелковый капотъ"—III. 23, „кнута не видишь, такая *потьма*". III. 38. „Бричка мчалась *во всю пропалую*"—III. 85. „Галопадъ летѣлъ *во всю пропалую*"—III. 162. Гоголь знакомитъ насъ съ цѣлымъ рядомъ названій, извѣстныхъ въ народѣ для обозначенія кушаній: „*скородумки*", „*шанишки*", „*пряглы*"—III. 53, „*пряженцы*", „*маслянцы*", „*взваренцы*"—III. 147. У Ноздрева Гоголь заставилъ Чичикова поглядѣть на всевозможныхъ собакъ: *мурыхъ, черныхъ съ подпалинами, полво-пѣгихъ, мурыо-пѣгихъ, красно-пѣгихъ, чернодухихъ, сѣроухихъ*—III. 70. Про колкое и язвительное замѣчаніе Гоголь говоритъ: „изъ однихъ дамскихъ устъ *изнеслось*, вмѣстѣ съ запахомъ фіалокъ, довольно колкое и язвительное замѣчаніе".—III. 169. Особенно мѣтки и удачны образованія уменьшительныхъ и пренебрежительныхъ южнорусскихъ именъ: *старичишка, колясченка*—III. 128.

Въ нѣкоторыхъ словахъ Гоголь оставилъ намъ цѣлыя картины старыхъ явленій и порядковъ. Такъ, Гоголь говоритъ: „Громъ и прыжки дали замѣтить, что бричка *въѣхала* на мостовую".—III. 128. „Собакевичъ *пришипился* такъ, какъ будто и не онъ, и... тыкалъ вилкою въ какую-то сушеную маленькую рыбку". III. 149. Слово „*пришипился*" въ этомъ значеніи извѣстно хорошо сѣверно-великорусскимъ народнымъ говорамъ. „Никому нѣтъ отъ него покоя, такой *припертьнъ*"!—говоритъ Гоголь про Мокія Кифовича—III. 246. „Досталъ гдѣ-то *въ три дешева* гнилушки кожи"—разсуждаетъ Чичиковъ про продувного крестьянина-сапожника—III. 134. Чрезвычайно мѣтко употреблено діалектическое сѣверно-великорусское слово: „*заклёкнетъ*"

въ предложеніи: „...послѣ такихъ бурь, испытаній, превратностей судьбы и жизненнаго горя онъ удалится... въ какое-нибудь мирное захолустье уѣзднаго городишка и тамъ *заклёкнетъ* на-вѣки въ ситцевомъ халатѣ“... III. 239. Или: „Словомъ, все, на что ни поглядѣлъ онъ, было *упористо*, безъ *пошатки*“... Такъ Гоголь рисуетъ намъ видъ построекъ въ деревнѣ Собакевича—III. 90. Слово „*покачка*“ Гоголь мѣтко употребляетъ про коляску, а слово „*пошатка*“— про постройку: III. 90 и IV. 327. Гоголь иногда даже и въ такихъ случаяхъ не затруднялся словопроизводствомъ, достигая въ своихъ собственныхъ выраженіяхъ силы и мѣткости своей мысли; такъ, онъ говоритъ про Собакевича такимъ же языкомъ, какъ и про его постройки: видно, что и Собакевичъ былъ такъ же „нескладно скроенъ, но крѣпко сшитъ“, какъ и его деревня. Собакевичъ „шеей не ворочалъ вовсе и, въ силу такого *неповорота*, рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ“... III. 91. Хотя нашъ литературный языкъ и не принялъ послѣ Гоголя такого слова, какъ „*неповоротъ*“, но въ данномъ мѣстѣ это слово трудно замѣнить болѣе удачнымъ, и потому оно здѣсь достигло своей цѣли. Равнымъ образомъ художественными цѣлями вполнѣ оправдывается выраженіе Гоголя: „*поперекъ* какимъ бы ни было *печалямъ*... весело проносится блистающая радость“... III. 88—89, хотя это выраженіе и не принято позднѣйшимъ языкомъ.

Такія выраженія родились вмѣстѣ съ оригинальнымъ талантомъ Гоголя и, можетъ быть, и умерли вмѣстѣ съ нимъ, какъ умерли многіе образы и разнообразныя картины, нарисованные Гоголемъ - не представленные никѣмъ другимъ потому, что въ минуты вдохновенія Гоголь былъ единственнымъ въ своемъ родѣ оригинальнымъ талантомъ и таковымъ онъ остался: онъ имѣлъ спеціальныя дарованія, и мы до сихъ поръ можемъ еще намѣтить цѣлый рядъ явленій и картинъ русской жизни, которыя ждутъ своего Гоголя и не могутъ быть изображены никѣмъ другимъ. Такой же силой и картинностью отличаются выраженія Гоголя: „Ноздревъ приказалъ тотъ же часъ мужиковъ и козлы *вонъ* и выбѣжалъ въ другую комнату“. III. 69. Или: „стѣны дома *ощеливали* мѣстами нагую штукатурную рѣшетку“... III. 109. Или: „А сколько бы вы дали“? спросилъ Плюшкинъ, и самъ *ожидовѣлъ*“... III. 126. Или: „Плюшкинъ понесъ ихъ (деньги) съ такою же осторожностью, какъ будто бы несъ какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь *разхлестать* ее“. III. 127. Или: „Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ *обстановилось* ожерелье тарелокъ“... IV. 333. Наконецъ, Гоголь передалъ намъ массу словъ, имѣющихъ въ соот-

вѣтственныхъ мѣстахъ его поэмы значеніе спеціальное, и незамѣнимыхъ другими: такъ, Гоголь говоритъ *домоводка* вмѣсто *экономка*—IV. 290, *урчатъ* (про конопляпокъ)—IV. 302, *трелитъ* жаворонокъ, *турлыканье* журавлей—IV. 302. „Гуляньямъ былъ *раздолъ* повсюду"—IV. 312. „Тутъ только узнаешь хорошо *людъ* и бытъ". IV. 357. „*Въ разсыпку* дубы встрѣчали гостя"—IV. 289. Сравн. 299. „Въ сумеркахъ слышался тихій *гомонъ* людской".—IV. 336. Типичныя слова: „*громкопѣвно*"—IV. 356, „*ксандрейка*"—IV. 373, „*потуда-покуда*"—IV. 373 и много другихъ. „*Бряканье* сапоговъ со шпорами"—IV. 387 и подобныя.

Особенно же богатъ языкъ Гоголя удачными и мѣткими сравненіями, но это уже относится къ изобрѣтательности и личности поэта, а не къ наличнымъ средствамъ, заключающимся въ самомъ языкѣ. Однако и эту сторону стиля Гоголя мы не должны оставлять въ сторонѣ. Здѣсь упомянемъ о слѣдующихъ сравненіяхъ, свидѣтельствующихъ тонкую наблюдательность Гоголя: псы у Коробочки залились всѣми возможными голосами, и одинъ изъ нихъ хрипѣлъ, „*какъ хрипитъ пѣвческій контрабасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ*".—III. 40. „Пропалъ бы, *какъ волдырь на водѣ*", говоритъ Чичиковъ, спасенный капитаномъ-исправникомъ отъ самоуправства Ноздрева—III. 86. Петръ Петровичъ Пѣтухъ, *точный арбузъ или боченокъ*, запутался въ сѣтяхъ; „арбузъ, какъ видно, боялся не за себя: потонуть, по причинѣ толщины, онъ не могъ.... и еслибы сѣло къ нему на спину еще двое, онъ бы, *какъ упрямый пузырь*, остался съ ними на верхушкѣ воды".... IV. 328. „Хорошенькій овалъ лица ея круглился, *какъ свѣженькое яичко*". III. 87. „Дядя Митяй.... взобрался на коренного коня и сдѣлался похожимъ на деревенскую *колокольню* или лучше, *на крючокъ*, которымъ достаютъ воду въ колодцахъ". III. 87—88. „Маленькіе глазки его бѣгали, *какъ мыши*, когда онѣ высматриваютъ". III. 113. „Рукава и верхнія полы халата до того засалились и залоснились, что походили *на юфть*, какая идетъ на сапоги". III. 113. „Въ переулкахъ и закоулкахъ происходили сцены и разговоры, неразлучные съ этимъ временемъ (съ сумерками) во всѣхъ городахъ, гдѣ много солдатъ, извозчиковъ, работниковъ и особеннаго рода существъ, въ видѣ дамъ въ красныхъ шаляхъ и башмакахъ безъ чулокъ, которыя, *какъ летучія мыши*, шныряютъ по перекресткамъ". III. 129. Руки Плюшкина „задрожали, *какъ ртуть*". III. 126. Доходили изрѣдка до слуха „тѣ слова, которыя вдругъ обдадутъ, *какъ паромъ*, какого-нибудь замечтавшагося двадцатилѣтняго юношу,

когда, возвращаясь изъ театра, *несетъ онъ въ головѣ испанскую улицу, ночь, чудный женскій образъ съ гитарой и кудрями*". III. 129. Трудно выдумать что-нибудь сильнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ лучше чѣмъ это выраженіе Гоголя: „*несетъ онъ въ головѣ улицу!*" Въ канцелярскихъ комнатахъ палаты „шумъ отъ перьевъ походилъ, на то, *какъ будто бы нѣсколько телѣгъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ*, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями". III. 139. Въ комнатѣ присутствія „сидѣлъ одинъ, *какъ солнце*, предсѣдатель". III. 142. Чичиговъ „подшаркнулъ тутъ же ножкой, въ видѣ хорошенькаго хвостика, или на подобіе *запятой*". III. 164. Слова у дамъ—сплетницъ, „*какъ ястребы*, готовы были пуститься въ погоню одно за другимъ". III. 181. „Подъѣзжая къ крыльцу, замѣтилъ онъ выглянувшія изъ окна, почти въ одно время, два лица: женское въ чепцѣ, узкое, длинное, *какъ огурецъ*, и мужское круглое, широкое, *какъ молдаванскія тыквы называемыя горлянками*, изъ которыхъ дѣлаютъ на Руси балалайки"... III. 91. Эти и подобныя сравненія, которыхъ у Гоголя масса, обличаютъ въ немъ талантъ портретиста и объясняютъ намъ, почему внѣшній видъ героевъ Гоголя такъ удачно изображается художниками-портретистами, которые изъ всѣхъ нашихъ писателей лучше всего иллюстрировали Гоголя. Или вотъ еще сравненія у Гоголя: „Цвѣтъ лица имѣлъ каленый, горячій, *какой бываетъ на мѣдномъ пятакѣ*". III. 91.

„Ѳеодулія Ивановна попросила садиться, сказавши тоже: „Прошу"! и сдѣлавъ движеніе головою, *подобно актрисамъ, представляющимъ королевъ*". III. 92. Чичиковъ взглянулъ на спину Собакевича, „широкую, *какъ у вятскихъ приземистыхъ лошадей*, и на ноги его, *походившія на чугунныя тумбы*"... III. 103. „Во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, *какъ трудолюбивый паукъ*, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины". III. 115. Чичиковъ „заснулъ чуднымъ образомъ, *какъ спятъ одни только тѣ счастливцы, которые не вѣдаютъ ни геморроя, ни блохъ, ни слишкомъ сильныхъ умственныхъ способностей*". III. 130. ...„въ отдаленныхъ улицахъ и закоулкахъ города дребезжалъ весьма странный экипажъ, наводившій недоумѣніе насчетъ своего названія. Онъ не былъ похожъ ни на тарантасъ, ни на коляску, ни на бричку, а былъ скорѣе *похожъ на толстощекій выпуклый арбузъ*, поставленный на колеса". III. 175. ...„ссора за какую-то бабенку, свѣжую и крѣпкую, *какъ ядреная рѣпа*, по выраженію таможенныхъ чиновниковъ". III. 238. Очень картинно тоже сравненіе у Гоголя той дамы, которая приготовилась

внимательно слушать сплетни, съ охотникомъ, превратившимся въ напряженный слухъ при ожиданіи зайца. (III. 184). Такихъ картинъ, выраженныхъ словами, у Гоголя очень много, и лишь весьма немногія изъ нихъ неудачны.

Чтобы доказать знакомство Гоголя съ языкомъ Пушкина и поставить внѣ всякаго сомнѣнія необходимость для Гоголя считаться съ установленными формами литературнаго языка подъ перомъ Пушкина, мы приведемъ тѣ мѣста изъ „Мертвыхъ Душъ", гдѣ, по нашему мнѣнію, необходимо предполагать воздѣйствіе на Гоголя со стороны сочиненій и картинъ, завѣщанныхъ намъ Пушкинымъ. Такъ, письмо, полученное Чичиковымъ, своимъ началомъ невольно напоминаетъ намъ письмо Татьяны къ Онѣгину. (III. 158). Сравните также разговоръ обѣихъ дамъ, въ которомъ попадались цѣликомъ длинныя французскія фразы, и отношеніе къ этому языку разговора со стороны Гоголя съ отношеніемъ къ языку дамъ и въ частности къ языку письма Татьяны у Пушкина. (III. 182). Сравните также въ любовномъ письмѣ къ Чичикову то мѣсто, гдѣ его приглашали въ пустыню, съ отзывомъ о городской жизни Алеко у Пушкина. (III. 158).

Хозяйственныя заботы Тѣнтѣтникова описаны у Гоголя языкомъ, сходнымъ съ описаніемъ такихъ же заботъ Онѣгина у Пушкина. (IV. 130). Если прибавить къ этому отзывъ самого Гоголя о языкѣ тогдашней литературы и о положеніи писателя по отношенію къ языку, то мы получимъ отвѣтъ на вопросъ, изъ какихъ элементовъ составился языкъ Гоголя, по крайней мѣрѣ, въ крупнѣйшемъ и позднѣйшемъ его произведеніи, въ „Мертвыхъ Душахъ".

Вотъ что Гоголь говоритъ о составѣ тогдашняго литературнаго языка и о положеніи писателя: „Виноватъ! Кажется, изъ устъ нашего героя излетѣло словцо, подмѣченное на улицѣ. Что жъ дѣлать? Таково на Руси положеніе писателя! Впрочемъ, если слово изъ улицы попало въ книгу, не писатель виноватъ, виноваты читатели и, прежде всего, читатели высшаго общества: отъ нихъ первыхъ не услышишь ни одного порядочнаго русскаго слова, а французскими, нѣмецкими и англійскими они, пожалуй, надѣлятъ въ такомъ количествѣ, что и не захочешь, и надѣлятъ даже съ сохраненіемъ всѣхъ возможныхъ произношеній,—по французски въ носъ и картавя, по англійски произнесутъ, какъ слѣдуетъ птицѣ; и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не сумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи. А вотъ только русскимъ ничѣмъ не надѣлятъ... Вотъ каковы читатели высшаго сословія, а за ними и всѣ причитающіе себя къ

высшему сословію! А между тѣмъ какая взыскательность! Хотятъ непремѣнно, чтобы все было написано языкомъ самымъ строгимъ, очищеннымъ и благороднымъ, словомъ,—хотятъ, чтобы русскій языкъ самъ собою опустился вдругъ съ облаковъ, обработанный, какъ слѣдуетъ, и сѣлъ бы имъ прямо на языкъ, а имъ бы больше ничего, какъ только разинуть рты да выставить его". (III. 163). О русскомъ же языкѣ, пересыпанномъ французскими фразами, говоритъ Гоголь и въ другомъ мѣстѣ своей поэмы, по поводу разговора двухъ извѣстныхъ дамъ. (III. 182).

Такимъ образомъ, изъ этого отзыва Гоголя о русскомъ языкѣ нашего общества того времени ясно видно, что на Гоголѣ самомъ, какъ на представителѣ русскаго слова, лежала обязанность болѣе серьезнаго отношенія къ своему языку и слогу, такъ какъ онъ самъ долженъ былъ принимать дѣятельное участіе въ обработкѣ и развитіи литературнаго языка послѣ Пушкина. Изъ нашего же разбора его языка, въ свою очередь, тоже ясно, что языкъ Гоголя хорошъ лишь тамъ, гдѣ ему приходитъ на помощь его художественный талантъ въ минуты наибольшаго вдохновенія.

Поэтому остается непонятнымъ то противорѣчіе, въ которое впалъ Гоголь съ самимъ собою, признавая, съ одной стороны, необработаннымъ нашъ русскій литературный языкъ его времени, съ другой, какъ бы не желая содѣйствовать его обработкѣ въ той мѣрѣ, въ какой это дѣлалъ Пушкинъ. Нежеланіе Гоголя содѣйствовать этой обработкѣ ясно видно изъ его слѣдующихъ словъ: „О слогѣ или красотѣ выраженій здѣсь нечего заботиться: дѣло въ *дѣлѣ* и въ *правдѣ* дѣла, а не въ слогѣ". (III. 251).

Исторія же языка однако слѣдитъ не за правдой дѣла, а за движеніемъ языка и значеніемъ каждаго отдѣльнаго писателя въ этомъ отношеніи, а потому и исторія языка имѣетъ также за собой *свое* слово, какъ и всякая другая наука.

Е. Будде.

476478
КУЙБЫШЕВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

0 00 37 6